

УДК 821.161.1-6

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.15

М.А. Аверина

Переписка К.В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг.

Статья представляет собой обзор сохранившейся в архивах переписки популярной в конце XIX в. писательницы К.В. Назарьевой с разными корреспондентами, среди которых были как литературные деятели первой величины, так и критики и издатели массовой литературной продукции. Переписка отражает творческие интересы писателей круга Назарьевой, а также характеризует литературную среду второй половины XIX в.

Ключевые слова: женская литература; литературная среда; переписка; архивы.

Женская (феминистская) литература была элементом литературной среды второй половины XIX в. Сочинения Л. Чарской, А. Вербицкой, М. Крестовской, О. Шапир и др. зачитывались до дыр подростками и обывателями и представляли собой довольно существенную часть литературного процесса, вызывая вокруг себя немало споров.

Одной из самых читаемых представительниц «дамского романа» была Капитолина Валерьяновна Назарьева (1847–1900). Она начала писать из нужды, поскольку, будучи в разводе, одна содержала семью. «Нужно было придумать что-нибудь, изобрести ренту, не имея капитала, — вспоминала она впоследствии. — <...> И вдруг совершенно неожиданный Божественный толчок. В одном из толстых журналов я увидела повесть, написанную моею знакомой. “Если она может, то почему же я не могу попробовать”, — явилась ко мне мысль. <...> В то время еще жили и писали Тургенев, Гончаров, Достоевский и другие наши великие писатели и смелость моей знакомой поразила меня. <...> Теперь я стала читать новые журналы, и дерзкая мысль попробовать счастья становилась все возможнее, все соблазнительнее. Сумма пережитого и виденного давала множество сюжетов...» [8: с. 112]. Как показали дальнейшие 22 года писательской деятельности Назарьевой (с 1879 по 1900 г.), коммерчески это предприятие себя оправдало: из-под ее пера вышло более 50 романов (в том числе детективных и порнографических), повести, рассказы, публицистика (от фельетонов до судебных очерков и политических обзоров), драматургия (ставившаяся преимущественно на второразрядных антрепризных сценах), детские книжки и даже подписи к иллюстрациям.

Изыскания в архивах и библиотеках России показали, что из богатого в количественном отношении творческого наследия Назарьевой сохранилось не так

много произведений, а ее личный архив практически утрачен. В Российском государственном архиве литературы и искусства, Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук (ИРЛИ РАН), Российском государственном историческом архиве, Российской государственной библиотеке (РГБ Дом Пашкова), Институте мировой литературы им. А.М. Горького можно ознакомиться преимущественно с ее деловой перепиской. Однако по ней можно судить как о самой Назарьевой, так и об умонастроениях той части литературной среды, в которой она развивалась и которая была фоном для писателей первого ряда — Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького и др.

Среди корреспондентов Назарьевой числятся деятели, занимающиеся массовой литературной продукцией, популяризаторы, из которых многие разделяли радикальные убеждения, однако имеется несколько писем, свидетельствующих о ее попытках улучшить свою литературную репутацию.

Круг ее знакомств составляли известные издатели и публицисты, среди которых были В.С. Миролубов [3: Ф. 185, 186. Оп. 1. Ед. хр. 832], Б.Б. Глинский [1: Ф. 72. Ед. хр. 223], К.К. Арсеньев [1: Ф. 359. Ед. хр. 371], А.А. Навроцкий [6: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575], А.Е. Кауфман [4: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603], Л.З. Слонимский [7: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544]. Примечательно, что большая часть из них изначально имела юридическое образование и практику, а затем уже пришла в литературу.

Характерным примером является К.К. Арсеньев (1837–1919) — писатель, почетный академик изящной словесности Санкт-Петербургской академии наук с 1900 г., общественный и земский деятель, один из самых авторитетных в России адвокатов. Литературную деятельность К.К. Арсеньев начинал историческими статьями, печатавшимися в «Русском вестнике» в 1858–1861 гг. С 1862 г., став постоянным сотрудником «Отечественных записок», он много писал об английской конституции. Одновременно вел отдел «Иностранной политики» в «Санкт-Петербургских ведомостях» В.Ф. Корша, для чего оставил государственную юридическую службу. В «Вестнике Европы» он работал со дня основания (1866), фактически определяя либеральное направление журнала. Знакомство Назарьевой с ним не было близким, в единственном письме она восторженно благодарит К.К. Арсеньева за статью в газете «Право» от 27 февраля 1899 г., протестующую против арестов после студенческих волнений: «Простите, что беспокою Вас, но я должна сказать Вам, какое впечатление произвела Ваша чудесная статья, — пишет она. — Я сейчас же купила 15 №, потом еще и молодежь читает ее нарасхват, а как относится к Вам!..» [1: Ф. 359. Ед. хр. 371].

Достаточно близким было знакомство Назарьевой с Л.З. Слонимским (1850–1918), блестящим политическим публицистом, сыном З.Я. Слонимского и отцом М.Л. Слонимского. С 1872 г. он печатался в «Судебном вестнике», «Судебном журнале», «Журнале гражданского и уголовного права», вел

политический отдел в «Русском мире» и «Порядке», участвовал в «Слове», «Вестнике Европы» (готовил экономические и общественно-политические статьи). Л.З. Слонимский неоднократно оказывал Назарьевой протекцию в печати. «Спасибо Вам за доброе отношение, — пишет она, — за то, что остались таким же снисходительным! Пожалуйста, если возможно, пристройте!» [7: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544].

Существенную часть литературных знакомств Назарьевой составляли библиографы, среди которых следует назвать А.В. Старчевского [7: Ф. 583. Ед. хр. 523], Н.А. Рубакина [9: Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2], Н.В. Гаврилова [1: Ф. 564. Ед. хр. 55], С.Е. Добродеева [5: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164, 165], П.В. Быкова [4: Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407], В.О. Михневича [6: Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248].

А.В. Старчевский (1818–1901), известный журналист и энциклопедист, в 1869 г. стал редактором «Сына Отечества», а в 1879–1885 гг. редактировал еще и «Современность», «Улей», «Эхо» и «Родину». Как видно из пяти писем Назарьевой к нему (1884), а также из достаточно частых публикаций ее романов в Ежемесячном приложении к журналу «Родина», общение их было довольно дружеским: «Так как мы пропировали у Ив. Н., то передовая и <неразбор> будут доставлены в 9 ч. утра в пятницу» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]. А.В. Старчевский к тому же не только сам заказывал ей статьи и романы («Если понадобится передовая, и я, по Вашему мнению, могу ее сделать — пришлите только сюжет, мысль, и я не задержу...» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]), но и неоднократно оказывал Назарьевой услуги в качестве литературного агента, получая за это процент с гонорара («У Вас такая масса знакомых “книжников” и Вы сделаете великую для меня милость, сосватав и посоветовав купить у меня право издания на ром<ан> «Золотое руно» <...> Если Вам самому неудобно похлопотать, то нет ли такого человека? Само собой разум<еется>, что процент <неразбор> с благодарностью» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]).

К Н.А. Рубакину (1862–1946), книговеду и библиографу, сохранилось только одно письмо Назарьевой. Н.А. Рубакин известен своими просветительскими библиотечными проектами. Он составил «Программу по исследованию литературы для народа» (1889), более 15 тысяч индивидуальных программ чтения и самообразования, на основе своего опыта создал теорию библиопсихологии — науки о восприятии текста. Видимо, он запрашивал какой-то из романов Назарьевой для своих читательских проектов. «Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Александрович, — пишет она на визитной карточке об одном из своих сочинений, — ранее говорили при свидании» [9: Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2].

Необходимым для Назарьевой становится знакомство с критикой того времени. Так, среди ее корреспондентов находим А.А. Измайлова (1873–1921) — беллетриста и литературного рецензента, с 1898 г. постоянного фельетониста «Биржевых ведомостей», где Назарьева печаталась все 22 года своей писательской

деятельности. Сохранилось его очень теплое и проникновенное предисловие к посмертному изданию рассказа Назарьевой «Пророчество». «Печатаемый ниже рассказ найден наследниками покойной известной писательницы К.В. Назарьевой в ее бумагах» <...> «Но если даже фабула его — чистый вымысел, он очень характерен для К.В. Назарьевой, — отмечает критик, — как образно схваченный синтез существования и труда русской писательницы, получающий какой-то особенный оттенок грустной сердечности от своего появ<ления>» [2: Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54].

Официальные отношения связывали Назарьеву с Н.А. Лейкиным (1841–1905), виднейшим юмористом и издателем еженедельника «Осколки», где начинал печататься А.П. Чехов. Ее письма к Н.А. Лейкину выдержаны в деловом и просительном тоне, но подтверждают их возможное сотрудничество. Назарьева пишет: «Давать же в “Осколки”, участие в которых я считаю для себя крайне лестным, неважную вещь — мне не желательно» [3: Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143].

Будучи драматургом, Назарьева вела знакомство с режиссерами и театральными деятелями того времени, среди которых А.Р. Кугель [2: Ф. 550. Ед. хр. 76], Е.П. Карпов [2: Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150], И.М. Булацель [3: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73].

Известный театральный деятель А.Р. Кугель (1864–1928) с 1897 г. был главным редактором журнала «Театр и искусство». Назарьева пользовалась его протекцией, а он поощрял идейность ее произведений: «Этот роман тоже идейный и, право, стоит внимания», — писала она [2: Ф. 550. Ед. хр. 76].

С выходцем из старинного молдавского дворянского рода, драматургом и режиссером И.М. Булацелом Назарьеву, судя по всему, связывали дружеские отношения, что видно из письма к нему по поводу одной из ее пьес: «Доверяю Вам безусловно и прошу распорядиться как бы своей собственностью, т. е. поставить ее на какой угодно сцене на таких условиях какие сочтете удобными» [3: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73].

Особую группу писем составляют обращения к уже тогда знаменитым писателям и публицистам, в круг которых, судя по переписке, Назарьева не была вхожа: Д.Н. Мамин-Сибиряк [9: Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49], Н.К. Михайловский [5: Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477], Вл. Ив. Немирович-Данченко [4: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610], А.Н. Лесков [3: Ф. 612. Ед. хр. 265], Ф.М. Достоевский [9: Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5], А.П. Чехов [9: Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6].

Тон единственного сохранившегося ее письма от 1878 г. к Д.Н. Мамину-Сибиряку (1852–1912) свидетельствует об их коротком знакомстве, которое, однако, вряд ли продолжалось после 1883 г., когда к писателю пришла слава. Назарьева просит его зайти к ней: «Не заглянете ли показать свои милые игристые очи?» [9: Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49], причем дата, указанная на письме, сомнительна, поскольку летом 1877 г. еще не известный Д.Н. Мамин-Сибиряк уехал на Урал и появился в Санкт-Петербурге лишь в 1881 г.

Назарьева не была лично знакома с А.П. Чеховым, который между тем запросил для своей Таганрогской библиотеки роман писательницы «Надорванные силы», но не напрямую, а через Н.А. Лейкина. Назарьева откликнулась на просьбу прямым письмом к А.П. Чехову, которое свидетельствует о том, что она была далека от чеховского круга, к которому желала быть причастной хотя бы по причине своей широкой известности: «Зачем Вам, могучему, симпатичному и вполне законно любимейшему писателю, уважаемый Антон Павлович, захотелось прочесть мой главный труд? Я получила вчера письмо Н.А. Лейкина и, каюсь, крайне, крайне польщена Вашим предложением» [9: Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6].

В целом переписка Назарьевой свидетельствует о том, что она представляет собой литературного чернорабочего, для которого писательский и редакторский труд важен исключительно с экономической точки зрения. Назарьева известна, ее сочинения любимы, но не взыскательной публикой. При этом она хотела иной репутации, для чего стремилась установить личные связи с серьезными литераторами, но безуспешно, во многом по причине эстетической несовместимости. Между тем деятельность Назарьевой позволяет глубже понять историко-литературную особенность эпохи.

Библиографический список

Источники

1. ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371; Ф. 564. Ед. хр. 55; Ф. 72. Ед. хр. 223.
2. ИРЛИ РАН. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54; Ф. 550. Ед. хр. 76; Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150.
3. ИРЛИ РАН. Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143; Ф. 612. Ед. хр. 265; Ф. 185, 186. Оп. 1. Ед. хр. 832.; Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73.
4. ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610; Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.
5. ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 165; Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164; Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.
6. ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575.
7. ИРЛИ РАН. Ф. 123 Оп. 1. Ед. хр. 544; Ф. 583. Ед. хр. 523.
8. Назарьева К.В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 112.
9. РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5; Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49; Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2; Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

References

Istochniki

1. IRLI RAN. F. 359. Ed. xr. 371; F. 564. Ed. xr. 55; F. 72. Ed. xr. 223.
2. IRLI RAN. F. 115. Op. 5. Ed. xr. 54; F. 550. Ed. xr. 76; F. 686. Op. 2. Ed. xr. 150.
3. IRLI RAN. F. 149. Op. 2. Ed. xr. 143; F. 612. Ed. xr. 265; F. 185, 186. Op. 1. Ed. xr. 832; F. 123. Op. 2. Ed. xr. 73.

4. IRLI RAN. F. 123. Op. 2. Ed. xr. 603; F. 123. Op. 1. Ed. xr. 610; F. 273. Op. 1. Ed. xr. 407.
5. IRLI RAN. F. 123. Op. 2. Ed. xr. 165; F. 123. Op. 2. Ed. xr. 164; F. 181. Op. 1. Ed. xr. 477.
6. IRLI RAN. F. 183. Op. 1. Ed. xr. 248; F. 123. Op. 1. Ed. xr. 575.
7. IRLI RAN. F. 123 Op. 1. Ed. xr. 544; F. 583. Ed. xr. 523.
8. *Nazar'eva K.V. Pervy'e shagi. Iz vospominanij pisatel'niczy' (1872–1892) // Vestnik vseмирnoj istorii. 1900. № 9. S. 112.*
9. RGB Dom Pashkova. F. 93. R. II. Karton 7. Ed. xr. 5; F. 157. Shifr M–S. P. III. Ed. xr. 49; F. 358. Cardboard 257. Ed. xr. 2; F. 331. Karton 53. Ed. xr. 6.

M.A. Averina

K.V. Nazaryeva's Correspondence as Literary Phenomenon: 1880–1900

The article reviews the archived letters of K.V. Nazaryeva's — now almost forgotten, but at the end of the 19th century a popular writer, written to various correspondents including literati as well as critics and publishers of mass literary production. Correspondence reflects the creative interests of the writers in Nazaryeva's circle, and also characterizes the literary environment of the second half of the XIX century.

Keywords: women's literature; literary environment; correspondence; archives.